УДК: 316.43:338.2 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-3-15-50

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аганбегян А.Г. [1,]

Цель статьи – обосновать необходимость формирования новой социально-экономической политики. Предпосылками разработки новой политики являются длительная стагнация 2013–2019 гг. и рецессия в 2015 г. Автором структурированы новые условия социально-экономического развития России после кризиса 2008–2009 гг.

Коронавирусная пандемия и сокращение доходов нефтегазовой промышленности рассматриваются как факторы, спровоцировавшие глобальный структурный кризис 2020 г. Этот кризис усилил необходимость перехода к новой экономической политике, поскольку у России возник уникальный шанс перейти из глубокого кризиса 2020 года сразу к росту экономики и социальной сферы вместо возврата к стагнации.

Обоснованы основные источники дополнительных средств, особенно в части инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал (и экономику знаний) как основных драйверов развития страны.

Ключевые слова: экономические последствия, короновирусная пандемия, нефтегазовый кризис 2020 г., структурный кризис, политика Центрального банка, динамика инвестиций, экономика знаний, эффективность гос.расходов, доходы, безработица, бедность населения, социальное неравенство, народно-хозяйственное планирование.

ON THE NEED FOR A NEW SOCIO-ECONOMIC POLICY

AGANBEGYAN A.G. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic Theory and Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: aganbegyan@ranepa.ru

Аганбегян Абел Гезевич – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук, зав. кафедрой экономической теории и политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр–т Вернадского, д. 82, стр.1, e–mail: aganbegyan@ranepa.ru

The purpose of the article is to justify the need for the formation of a new socio-economic policy. The prerequisites for the development of the new policy are the long stagnation of 2013–2019 and the recession in 2015. The author structured new conditions for the socio-economic development of Russia after the crisis of 2008-2009.

The coronavirus pandemic and the decline in oil and gas industry revenues are seen as the factors that triggered the global structural crisis of 2020. This crisis reinforced the need for a transition to a new economic policy since Russia had a unique chance to move from a deep crisis of 2020 immediately to economic and social growth instead of returning to stagnation.

The main sources of additional funds are substantiated, especially the part of investments in fixed assets and investments in human capital (and knowledge economy) as the main drivers of the country's development.

Keywords: economic consequences, coronovirus pandemic, oil and gas crisis in 2020, structural crisis, Central Bank policy, investment dynamics, knowledge economy, efficiency of government spending, income, unemployment, poverty, social inequality, economic planning.

Введение

Необходимость нового подхода возникла в результате изменений условия развития страны после глобального циклического кризиса 2008 – 2009 гг. В то время задача перехода к новой социально-экономической политике не была осознана, и, как следствие, после трехлетнего восстановительного роста экономики в 2010 – 2012 гг. страна перешла к длительной стагнации в 2013 – 2019 гг. с рецессией в 2015 г.

Эта стагнация была прервана новым, на этот раз структурным кризисом, вызванным коронавирусной пандемией и новым значительным снижением цен и объема производства нефти и газа. И если на этот раз не будут внесены изменения в управление, то страна опять окажется в стагнации, всё больше отставая не только от развивающихся стран во главе с Китаем и Индией, которые обеспечивают ускоренный социально-экономический рост, но и от развитых стран. В результате доля России в мировой экономике вновь продолжит свое снижение, а по объёму валового внутреннего продукта Россию обойдет сначала Индонезия, а к 2030 г. и Бразилия. Так что по экономическому потенциалу Россия переместится с 6-го на 8-е место вместо того, чтобы в ближайшие 3 – 4 года превзойти Германию и переместиться на 5-е место, а к 2030 г., при возобновлении социально-экономического роста, обойти и Японию, поднявшись на 4-е место в мире после Китая, США и Индии.

1. Новые условия социально-экономического развития после кризиса 2008 – 2009 гг.

Общемировой кризис 2008 – 2009 гг. значительно сократил экономику России. Из 20-ти ведущих стран мира, представленных на мировом саммите, в России кризис был самым глубоким. У нас больше, чем у других стран, снизился ВВП – на 8%, на 15% сократились инвестиции. У нас сильнее, чем у других стран, сократился государственный бюджет, доходы которого снизились в 1,7 раза. Эти потери были восполнены из наших резервов, которые накопились за время подъема, и за время восьмикратного увеличения цены на нефть. Внешнеэкономический оборот России сократился в кризис на 40%, в то время как среднее сокращение в мире у других стран составило 20%. Фондовый рынок упал почти в 5 раз против падения в 2,5 раза фондовых рынков Китая, США и других стран. Этот кризис ознаменовал начало третьего этапа в развитии новой России.

В первый период (с 1991 г.) был глубокий и длительный трансформационный кризис, который завершился финансово-экономическим и социальным кризисом 1998 – 1999 годов. Валовой продукт, промышленность, реальные доходы сократились примерно вдвое, а инвестиции – вчетверо. Безработица поднялась до 13% – 9,5 млн. человек. Число бедных увеличилось до 40% от численности населения.

Затем наступил второй этап – восстановительный подъем, который тоже длился 10 лет до нового кризиса 2008 – 2009 гг. Во время второго периода Россия в основном вышла на показатели, достигнутые в конце советского периода (на уровень 1990 – 1991 гг.), а по объему валового продукта и особенно по реальным доходам населения превысила их. ВВП увеличился за это время на 90%, промышленность – на 80%, сельское хозяйство – в 1,5 раза, инвестиции в основной капитал – в 2,8 раза и составили только 60% от уровня советского периода, реальные доходы – в 2,3 раза. Было накоплено за это время около 600 млрд. долларов золотовалютных резервов. Столь интенсивный рост наполовину был связан с увеличением экспортной цены на нефть, продажи которой превысили половину экспортной выручки, а вместе с природным газом достигли 70% экспорта.

Кризис 2009 г. коренным образом изменил условия и факторы нашего социально-экономического роста. Сократилась роль нефти и газа в нашем развитии, начался крупный отток капитала из России, в то время как в 2006 – 2007 гг. имел место значительный его приток. Вдвое сократилась роль частного сектора в производстве ВВП, и, напротив, удвоилась роль государства за счет огосударствления экономики. Значительно сократились темпы роста инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал. Ослабли стимулы развития, усилилась монополизация многих отраслей, противостоящая конкуренции. Частному бизнесу стало менее выгодно вкладывать средства в

развитие российской экономики. Поэтому даже в период восстановительного подъёма в 2010–2012 гг. темпы социально-экономического развития стали вдвое ниже, чем в предшествующее пятилетие.

В России эти коренные изменения не были до конца осознаны, новые вызовы не были приняты. Усилились «ручные» методы управления. Центральный банк отвернулся от решения задач социально-экономического роста, до минимума снизил инвестиционный кредит в основной капитал, не придал значения внебюджетным фондам «длинных денег». Фондовая биржа стала преимущественно спекулятивной, основанной на коротких деньгах. Всё это подорвало рынок капитала, который (при подкреплении конкурентной средой) является основным локомотивом развития рыночного хозяйства. Не были завершены рыночные реформы. В стране сложилась переходная экономика государственно-олигархического типа с неразвитым, ограниченным рынком.

Вдвое, как уже говорилось, возросло огосударствление экономики: доля частного и иностранного секторов сократилась с 2003 г. в производстве ВВП с 65 до 29 процентов (по данным Всемирного банка). С 20 до 40 процентов ВВП увеличилась доля консолидированного бюджета, возникли крупнейшие холдинги, контролируемые государством: Роснефть, Ростех, РЖД, объединения по производству электроэнергии и тепла, ЖКХ, были созданы государственные концерны развития. Удельный вес банков, контролируемых государством, в банковских активах достиг 73%. По примеру федеральной власти тысячи предприятий и организаций тоже были огосударствлены в регионах.

С 2013 г., за полтора года до вхождения Крыма в состав России, страна «скатилась» в стагнацию – остановилась промышленность, перестали расти инвестиции, сначала в 3 раза, а потом в 6 раз снизился прирост ВВП (с 4% в период подъема до 1,3% в 2013 и 0,6% в 2014 гг.). Со второй половины 2014 г. против России были введены серьезные финансовые и секторальные санкции. К тому же, со второй половины 2014 г., по инициативе Саудовской Аравии и стран ОПЕК сначала вдвое, а потом втрое снизились цены на нефть, что было направлено против добычи сланцевой нефти в США. В связи с этим вдвое девальвировал рубль и втрое по сравнению с 2012 г., с 5,1 до 15,5 процента, возросла годовая инфляция. Поэтому 2015 г. стал годом рецессии с небольшим падением ВВП (менее 3%), но зато с 11-процентным сокращением инвестиций и объёмов строительства и с 10–15-процентным падением объёмов розничной торговли, реальных располагаемых доходов, конечного потребления домашними хозяйствами, при увеличении числа бедных на 5 млн. человек. Если бы управление страной базировалось на народнохозяйственном планировании, как в Китае, ничего подобного бы не случилось. Стремительное сокращение прироста валового внутреннего продукта в этот период до настоящего времени хорошо иллюстрируется на рис. 1.

(ВВП в % к соответствующему периоду прошлого года)

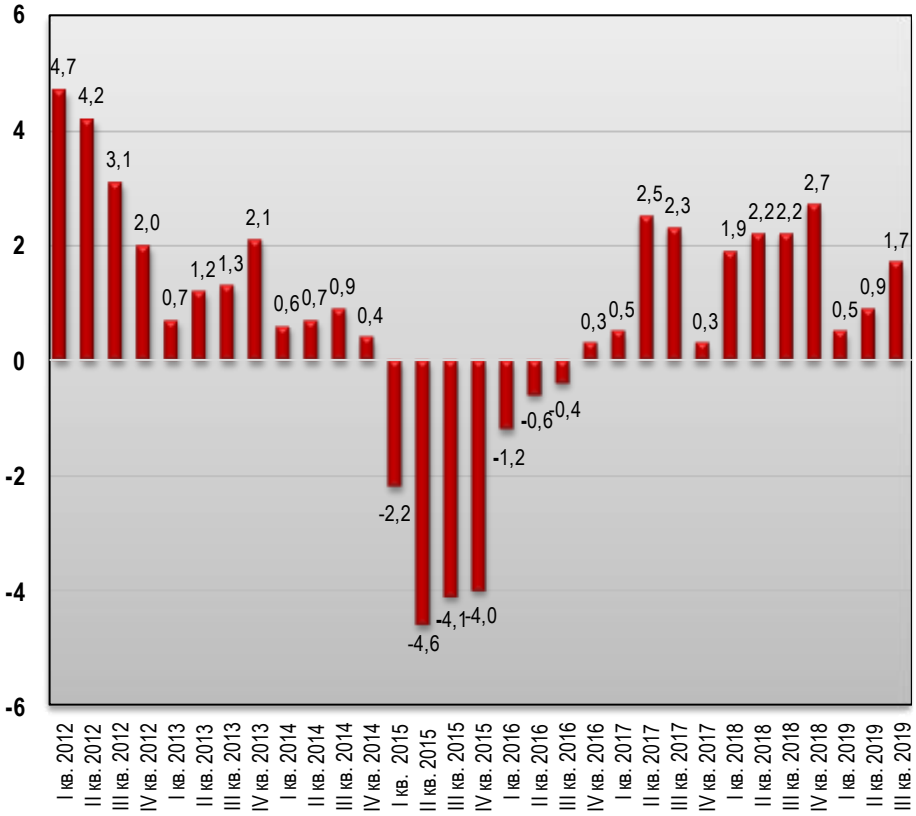

Рисунок 1 – Прирост валового внутреннего продукта России по кварталам 2012 – 2019 гг.

Figure 1 – The growth of Russia's gross domestic product according to quarters of 2012 – 2019

Переход к стагнации был рукотворным. Он был вызван снижением государственных инвестиций в течение 2013 – 2015 гг. на 31% при уменьшении инвестиционного вклада в экономику со стороны крупных корпораций, контролируемых государством на 30%, сокращением инвестиций в составе консолидированного бюджета на 22% и снижением объема инвестиционного кредита по основному капиталу со стороны госбанков на 27%. Все эти инвестиции составляют около 50% их общего объема в народном хозяйстве. Так что продолжающийся рост инвестиций частного сектора в размере 10% не смог препятствовать 11% падения всей суммы инвестиции в народном хозяйстве. Более детальные сведения на этот счет представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Динаимка инвестиций в основной капитал в 2013 – 2015 гг.
Table 1 – Dynamics of investment in fixed assets in 2013 – 2015

(в постоянных ценах) (прирост в %% 2015 г. к 2012 г.)

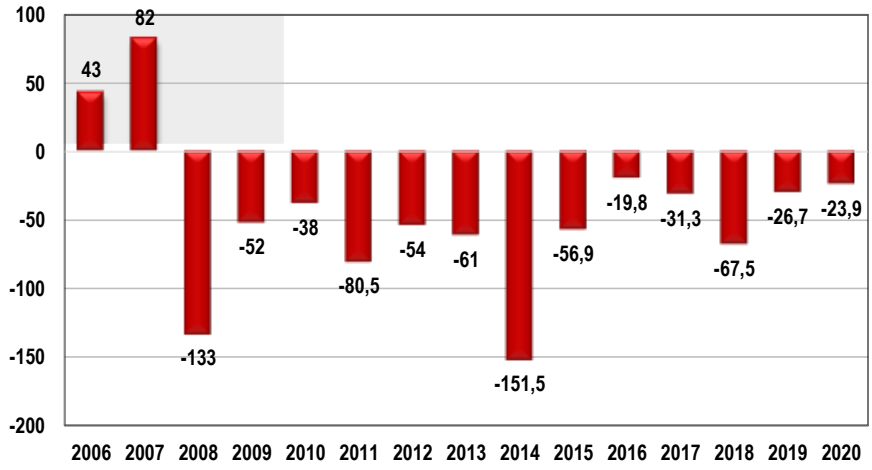
ПОКАЗАТЕЛИ	Прирост в %	Примечание
Частные инвестиции	+10	Частные инвестиции выросли с 5897 млрд. руб. в 2012 г. до 8368 млрд. руб. в 2015 г., или на 40% в номинале и 10% в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 до 58%.
Государственные инвестиции (без инвестицион-ного кредита)	– 27	По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2155 млрд. руб. в 2012 г. до 1863 в млрд. руб., в реальном выражении на – 31%.
Инвестиции крупных государственных корпораций (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростехнология)	– 30	Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составили 20% от общих инвестиций, и снизились до 6%. Снизился объем инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростехнологии. Так что увеличение инвестиций Роснефти не смогло перекрыть сокращение их от Газпрома.
Инвестиции в консолидированном бюджете	– 22	Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1713 млрд. руб. в 2012 г. до 1690 в млрд. руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013– 2015 гг. – 127%.
Инвестиционный кредит	– 27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2% в 2012 г. до 5,9% в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	– 11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7% и в 2015 г.– на 8,4%.

Последствие – прогрессирующее старение основных фондов, особенно машин и оборудования, 23% которых работают свыше сроков амортизации. Началось ускоренное отставание страны по уровню научно-технологического развития. По мировому рейтингу Россия здесь опустилась на 48-е место, отставая не только от 25 развитых стран, но и от 22 развивающихся и постсоциалистических стран Европы.

Кроме того, в кризис, с 2008 года, начался огромный отток капитала из России. Иностранные фирмы, удельный вес которых в экономике России составлял около 10–15%, стали выводить свои активы из нашей страны, поскольку кризис был глубоким и их материнские компании, расположенные в Германии, США и других странах, нуждались в деньгах. Многие российские предприниматели, столкнувшись с трудностями инвестирования средств внутри нашей страны и

опасаясь за безопасность своего капитала, тоже стали переводить значительную часть средств в оффшоры и на счета в зарубежных банках, где у россиян, по оценкам, к настоящему времени скопилось около 1 трлн. долларов, в том числе 0,4 трлн. в оффшорах.

В 2008 году из России ушло на 133 млрд. долларов средств больше, чем пришло. Для сравнения: в 2006 году, до кризиса, приток капиталов в Россию превышал их вывоз на 43 млрд. долларов, а в 2007 году, накануне кризиса, в нашу страну пришло 82 млрд. долларов плюсом. В 2011 году тоже наблюдался большой «провал» – минус 80 млрд. долларов, потому что это был год перед выборами Президента РФ: была некоторая неясность, и люди перестраховывались, выводя средства из страны. Самый крупный отток был при введении санкций – 151,5 млрд. долларов в 2014 г. Нынешний 2020 г. стал тринадцатым годом оттока капитала из России. Годовые показатели этого оттока представлены на рис. 2.

В 2008-2020 г. суммарный отток капитала из России составил более 800 млрд долл.

Рисунок 1 – Приток и отток капитала в России в 2006– 2019 гг.
Figure 2 – Inflow and outflow of capital in Russia in 2006– 2019

Столь значительный отток капитала наряду с сокращением инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал в период стагнации, а также увеличивающаяся отсталость нашей материально-технической базы – всё это тянет нашу экономику вниз.

При отсутствии планирования социально-экономическая политика базируется на госбюджете, который составляет Минфин без целевых показателей. Нецелевое использование более трети всего ВВП в виде безвозвратных

бюджетных средств, выдаваемых в основном в виде авансов, низкоэффективно. В управлении преобладает фискальный подход. Пятый год идет сокращение ввода жилья, увеличивается бедность, ухудшается положение среднего класса, численность которого ежегодно снижается. Тем более, что доходы бюджета с 2014 г. из-за значительного сокращения цен на нефть и газ в реальном выражении снижаются. Уменьшение размера консолидированного бюджета, оцененного в постоянных ценах, стало особенно значительно из-за стремления Минфина сбалансировать доходы и расходы бюджета, не допуская дефицита в отдельные годы. В том числе в неблагоприятном по всем показателям 2019 г. доходы бюджета даже превысили расходы, и образовался значительный профицит. Сокращающийся бюджет не способен достойным образом финансировать НИОКР, образование и здравоохранение – основные отрасли сферы «экономика знаний», которая составляет ядро человеческого капитала. Сокращающийся бюджет тоже тянет нашу экономику вниз. Ещё один неблагоприятный тренд – наступивший демографический кризис, представленный в табл. 2.

Таблица 2 – Показатели движения населения в России
Table 2 – Indicators of population movement in Russia

	Тысяч чел.						
	2016 г.	2017 гю	2018 г.	2019 г.	Прирост (+), быль (-) 2017 г. к 2016г.	Прирост (+), убыль (-) 2018 г. к 2017 г.	Прирост (+), убыль (-) 2019 г. к 2018 г.
Родившихся	1888,7	1689,9	1599	1485	– 198,8	– 90	– 114
Умерших	1891,0	1824,3	1818	1801	– 66,7	– 6,3	– 17
Естественный прирост (+), убыль (–)	– 2,3	– 134,4	– 219	– 316	– 90	– 85	– 97
Сальдо миграции (+)	261,9	211,9	125	286	– 6,3	– 93	161
Прирост (+), убыль (–) населения России	259,6	77,5	-94	-30			

Как видно, с 2016 по 2019 г. рождаемость сократилась на 400 тыс. человек из-за снижения численности женщин в фертильном возрасте и из-за сокращения

суммарного коэффициента рождаемости в возрасте от 20 до 35 лет. Пять лет назад в этих возрастах насчитывалось около 17 млн. женщин. С 2017 г. их число стало ежегодно сокращаться из-за снижения рождаемости, особенно значительно с 1992 до 2005 г. В 2030 г. число фертильных женщин в указанном возрасте сократится до 11 млн., и они, естественно, родят меньше детей. С другой стороны, нужно учесть число детей, которых одна женщина рожает в фертильном возрасте. Максимум этот показатель – суммарный коэффициент рождаемости – достиг в 2015 г. – 1,777. С 2016 г. он стал сокращаться и в 2019 г. составил всего 1,502. В значительной мере это связано со снижением реальных доходов семей на 10% в период стагнации и неопределенностью перспектив развития.

Если рождаемость сократилась на 400 тыс. человек, то смертность в эти годы снизилась всего на 90 тыс. человек, и её размеры с 2017 г. превысили рождаемость. Наступила депопуляция населения, достигшая в 2019 г. 320 тыс. человек. Это снижение естественного прироста населения с 2018 г. стало превышать положительное сальдо миграции в Россию, прежде всего из стран СНГ. И поэтому в 2018 – 2019 гг. наше население сократилось почти на 150 тыс. человек.

Особое значение при этом имеют происходящие возрастные изменения структуры населения, за последние пять лет население в трудоспособном возрасте уменьшилось на 5 млн. человек. Особенно заметно сокращение населения, включая его отток на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, где и без того плотность населения крайне низка. Эти регионы нуждаются, напротив, в значительном притоке населения в трудоспособном возрасте, поскольку обладают многими не использованными ещё природными богатствами.

Снижение численности населения – плохой знак для страны. В.В. Путин в своем Указе от 7 мая 2018 г. «О перспективах развития страны» поставил уровень жизни и сохранность населения России в один ряд как целевые установки социально-экономического роста. Сегодня дальнейшее сохранение численности населения под вопросом.

Отсутствие программно-целевого подхода в использовании ресурсов часто приводит к негативным результатам. Например, все попытки восстановить хотя бы 3-процентный рост, когда цена на нефть в 2016 – 2018 гг. удвоилась и страна получила большой прирост валюты, в бесплановом хозяйстве были обречены на неудачу. И как только цена на нефть перестала расти, даже 4-процентный рост ВВП и 9-процентный рост инвестиций в 2017– 2018 гг. (за два года) не привели к социально-экономическому росту. А в следующем, 2019 г., социально-экономические показатели вдвое ухудшились, хотя цена на нефть не снижалась. ВВП в этом году увеличился на 1,3%, инвестиции – на 1,6%, а реальные доходы – всего на 0,8%. Между тем, за 2018 – 2019 гг. финансовый результат деятельности всех предприятий и организаций (прибыль минус убыток) увеличился на рекордные

72%. Но эти заработанные средства при отсутствии индикативного плана для частного сектора не были направлены ни на инвестиции, ни на соответствующий рост заработной платы. Дополнительные суммы «упрятали» на счетах отечественных банков, которые у них выросли до 30 трлн. руб., и перевели десятки миллиардов долларов в оффшоры и на счета зарубежных банков.

Меня очень интересует экономика и организация здравоохранения, и хочется привести ещё один пример, когда временами государство бесцельно тратит огромные средства на отдельные отрасли, которые не дают позитивных результатов. С 2000 по 2005 годы небывало выросли госрасходы на здравоохранение на фоне общего подъема доходов населения и экономических показателей. При этом смертность не снизилась, а повысилась, низкая продолжительность жизни не увеличилась. Но как только появилось подобие плана в виде принятых конкретных программ «Демография» и «Здоровье», которые начали осуществляться с 2006 г., при намного меньшем приросте финансирования за 2006 – 2013 гг. были достигнуты впечатляющие результаты. Конкретные цифры представлены в табл. 3.

Таблица 3 – Эффективность использования государственных расходов на здравоохранение в 2001–2005 гг., когда оно развивалось без целевых программ, и в 2006–2013 гг. при осуществлении крупных программ «Демография» и «Здоровье»

Table 3 – Efficiency of using public spending on health care in 2001–2005, when it developed without targeted programs, and in 2006 – 2013. in the implementation of major programs "Demography" and "Health"

Показатели	2000 – 2005 гг.	2005 – 2013 гг.
Увеличение расходов на здравоохранение (в числе раз)		
номинально	5,2	2,9
реально	2,5	1,5
Результаты:		
Смертность на 1000 человек населения (количество человек)	2000 г. – 15,3 2005 г. – 16,1	2005 г. – 16,1 2013 г. – 13,0
Смертность населения в трудоспособном возрасте (тыс. человек)	2000 г. – 581 2005 г. - 740	2005 г. – 740 2013 г. – 479
Ожидаемая продолжительность жизни (в годах)	2000 г . – 65,34 2005 г. – 65,37	2005 г. – 65,37 2013 г. – 70,76

Как видно, целевое управление имеет неоспоримые преимущества перед бесцелевым управлением. При этом формального указания цели на конечный период недостаточно. Указанные выше программы «Демография» и «Здоровье» были весьма конкретными. Например, в соответствии с программой «Здоровье» в России были построены крупные кардиологические, онкологические и травматологические, а также десятки перинатальных центров. Так что, например, число пациентов, подвергнутых высокотехнологическому лечению в этих центрах превысило 1,5 млн. человек против 60 тыс., как это было до создания этих центров[1]. То есть нужно не просто определить цель, но и пути достижения этой цели. Проиллюстрирую это положение еще на одном примере.

Выбранный вновь Президентом в 2012 г. В.В.Путин, как известно, издал целую серию указов с конкретными показателями на 2015, 2018 и 2020 годы. В частности, в Указе по долгосрочному экономическому развитию было предусмотрено увеличить долю инвестиций в основной капитал в ВВП до 25% в 2015 г. и 27% в 2018 г. против 21% в 2012 г. Но никаких мер по стимулированию привлечения этих средств, никаких программ или планов по годам, какие инвестиции должны вложить бюджет, государственные корпорации, государственные банки в виде инвестиционного кредита, и никаких индикативных ориентировочных показателей для частного бизнеса не было указано. Правительство должно было подготовить конкретные программы с мероприятиями, чтобы этого достичь. Ничего не было сделано. И, как мы видели в приводимых выше примерах, все без исключения госорганизации поступили наоборот – они стали сокращать инвестиции прямо с 2013 г. Соответствующие цифры были приведены в табл. 1.

2. Структурный кризис 2020 г. – коронавирусная пандемия и сокращение доходов нефтегазовой промышленности.

Стагнация была прервана в апреле 2020 г. новым кризисом, который, как и предыдущий, был общемировым, глобальным, но по природе это был не циклический кризис, а структурный. Впервые после пандемии гриппа «испанка» в 1918 – 1920 гг. весь мир был ввергнут в кризис коронавирусной пандемии. Страны, осуществляющие добычу нефти и газа, одновременно столкнулись с падением цен и спроса на углеводородное сырье.

Коронавирусная пандемия. Россия вступила во вторую, заключительную фазу первой волны пандемии. Пик заболевания был достигнут в конце мая, после чего в Москве, на которую в то время приходилось до половины всех заболевших в России, началось резкое снижение числа заболевших при возрастании числа выздоровевших. К настоящему времени в Москве в сутки выздоравливает вдвое больше пациентов в сравнении с заболевающими. Раньше их число превышало 6 тыс. человек в день, а за последние полтора месяца снизилось до 600 – 700

[1] См. Аганбегян А.Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. – М.: Дело, 2019.

человек. Число умерших в 12-миллионном городе от коронавируса тоже стало намного меньше – 25 – 35 человек в день.

Эпидемия коронавируса в регионах России началась на 2–3 недели позже, и поэтому до середины июня в России ежедневная заболеваемость колебалась от 8 до 9 тысяч в сутки, а смертность даже увеличивалась. Постепенно регион за регионом тоже стали снижать заболеваемость, и во второй половине июня число заболевших в России стало сокращаться и уже достигло 6,5 тысяч человек. Затем число выздоровевших стало превышать число заболевших. Это наглядно видно на представленном графике рис. 3.

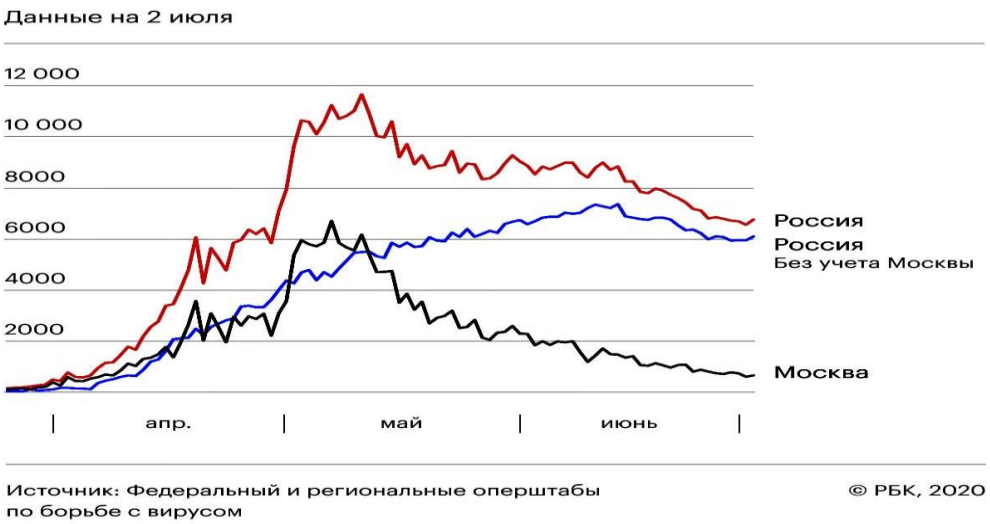

Рисунок 3 – Как меняется число новых случаев заражения Covid–19 в России[1]

Figure 3 – How the number of new cases of Covid – 19 infection is changing in Russia

Обращают на себя внимание ещё две особенности коронавирусной пандемии в России и Москве. Во-первых, высокая доля бессимптомных заболеваний коронавирусом, достигающая 50–60% от всех заболевших. Это выявлено в результате массового тестирования (проведено более 700 тысяч таких тестов на антитела, которые вырабатываются в организме после заболевания коронавирусом и предохраняют людей, по крайней мере, на 1–2 года от последующего заболевания).

[1] Как меняется число новых случаев заражения COVID–19 в России // Федеральные и региональные оперативные штабы по борьбе с короновирусом. – URL: https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5e2fe9459a79479d102bada6 (дата обращения: 02.07.2020)

Вторая особенность – низкая смертность от коронавируса в России (менее 1,5%) в сравнении с ведущими странами мира от числа заболевших с врачебным диагнозом. В Китае, Германии и США смертность составляет 5–6% от числа заражённых, а в Италии, Испании и Великобритании – 14–15%. Доказано, что иммунитет у лиц с первой группой крови, которая преобладает в России, приводит к пониженной до 20% смертности от коронавируса в сравнении со странами со второй группой крови, наиболее подверженной и заражаемости, и смертности при более тяжелом протекании болезни. Многие эксперты также считают, что столь существенная разница в смертности, измеряемая не в процентах, а в разах, связана также с вакцинацией населения стран от туберкулёза, поскольку статистически в этих странах действительно смертность намного ниже, чем в невакцинированных странах. Но наукой это не доказано.

На более мягком течении коронавирусной пандемии в России сказалась также оперативность действий российского правительства и медицинских организаций. Ещё в январе был создан штаб по борьбе с коронавирусом, начались подготовка коечного фонда, переквалификация врачей, производство защитных средств. В марте, когда число заражённых в России измерялось сотнями, были введены жёсткие меры карантина, досмотра в аэропортах, на железнодорожных станциях, прекращены полёты в страны, зараженные коронавирусом, и т.д. За 2–3 месяца были сооружены десятки новых госпиталей, введено в строй около 200 тысяч новых больничных коек, мобилизованы 506 лабораторий, которые проводили тестирование, изготовлены миллионы тестов, в том числе на определение коронавируса. И по таким тестам Россия заняла 2-е место после США, намного опережая другие страны. В России проведено более 21 млн. таких тестов (на 5-е июля 2020 г.).

Россия также одна из стран-лидеров по массовому производству препарата против коронавирусной инфекции («Абвифавир»), который с 11 июня в массовом масштабе стал поставляться в клиники и использоваться на практике. Также Россия в лидерах по разработке нескольких вакцин против коронавируса, которые успешно прошли испытания на мышах, а отдельные вакцины и на обезьянах. И сейчас идет ускоренная проверка вакцин в военном госпитале. Предварительные результаты позитивны. Специалисты считают, что к осени можно начать массовую вакцинацию, ибо производственные мощности для массового производства этих вакцин готовятся в ударном темпе.

Однако, чтобы вакцинировать до 60% всего населения России (около 148 млн. человек) при необходимой поставке вакцин и в другие страны, вакцинация растянется как минимум и на первую половину 2021 г. Только после вакцинации нам будет не страшна вторая, а, возможно, и третья волна этой пандемии, с которой в настоящее время уже встретился и активно борется Китай, где в отдельных районах из-за этого вновь ввели карантин, ограничили поездки, массовые мероприятия и так далее.

Используя сингапурскую модель, на основе имеющейся статистики и высказываемых прогнозов со стороны экспертов, подготовлен график возможного течения коронавирусной пандемии и её первой волны в России (рис. 4).

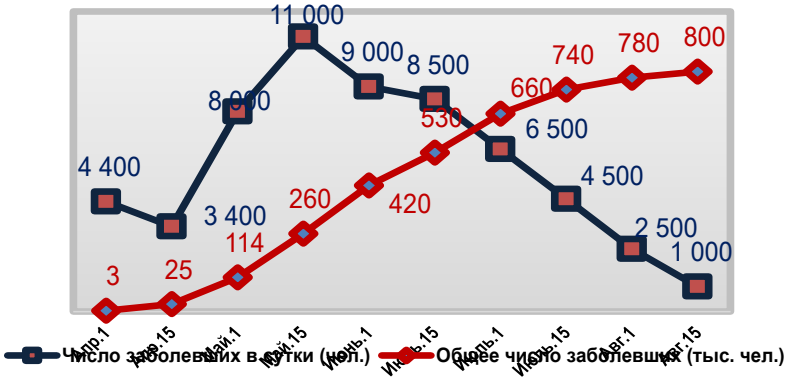

Рисунок 4 – Когда пандемия пойдет на спад?
Figure 4 – When will the pandemic subside?

В России значительная часть населения пережила двухмесячную самоизоляцию. Для ряда категорий фактически она уже превысила трехмесячный рубеж. Кроме того, возобновление работы народнохозяйственных отраслей идет весьма постепенно и на конец июня весьма далеко отстоит от уровня 2019 г. Причина этого, во-первых, продолжающийся пик пандемии в мире, когда заболевает до 230 тыс. человек, а общее число зараженных превысило на 5 июля 11 млн. человек при смертности в 525 тыс. человек. В разгаре пандемия пока в США, где наибольшее число зараженных и число погибших от коронавиурса. На второе место вышла и быстро приближается к США Бразилия. Россия была на третьем месте, а сейчас ее превзошла Индия. Но по числу смертности на 5 июля Россия находится во втором десятке стран с 10 тыс. умерших.

Из-за ограничений в межстрановых отношениях ряд отраслей, и прежде всего транспорт, особенно авиация, вряд ли восстановится раньше, чем через три года. Сказанное относится и к туризму, а туризм связан с гостиницами. Вряд ли быстро восстановятся общественное питание и объемы розничной торговли, поскольку значительно упали доходы населения и возросла бедность. Люди уже сделали свой выбор в пользу более дешевых продуктов, ограничивают себя.

Два-три года потребуются автомобильной промышленности, чтобы возобновить уровень докризисных продаж с учётом удорожания автомобилей в этот период. Не сразу восстановится проведение публичных мероприятий в области спорта, в кино, театрах, музеях, фитнес-клубах и т.д. Два года, а, возможно, и больше потребуется, чтобы вернуться к докризисной

занятости, особенно в неформальном секторе экономики, где занято около 20 млн. человек.

Самые тяжёлые последствия от коронавирусной пандемии – социальные. В 2– 3 раза возрастает безработица, на 8–10% сокращаются доходы в реальном выражении, соответственно падают потребление, объёмы розничной торговли, платные услуги, покупка жилья и автомобилей. В России особенно жильё дорожает. Повысилась даже цена на бензин, несмотря на снижение цен на нефть. В 1,5 раза увеличивается абсолютная и относительная бедность населения. Пандемия так же серьёзно скажется и на сокращении валового внутреннего продукта, в котором расходы населения и отрасли его обслуживания занимают в России 60% с учётом жилья, а в других странах, где государственные расходы намного меньше, до 70%.

Нефтегазовый кризис. В начале марта Россия отказалась от предложения Саудовской Аравии и стран ОПЕК о дополнительном сокращении добычи нефти. В ответ эти страны, и прежде всего Саудовская Аравия, перешли к демпингу в ценообразовании на нефть, значительно увеличили добычу и переполнили мировой рынок предложением нефти по сниженным ценам, подкрепляя свои предложения условиями отсрочки платежа и в ряде случае получением выгодного кредита. В результате в апреле 2020 г., названном нефтяниками «кровавым», средняя цена нефти марки Urals для России снизилась за год в 4 раза – до 18,22 доллара баррель. В отдельные дни цена на нефть и Urals, и Brent была отрицательной или нулевой. Всё это продолжалось более полутора месяцев. И за это время потребители нефти активизировались, и заполнили, насколько это было возможным, хранилища нефти и подземные, и рукотворные, включая сотни крупнейших танкеров, каждый из которых перевозит до 2 млн. баррелей нефти. Всё это было заполнено по минимальной цене нефтью сверх ее потребления. И этот фактор, а также сниженный спрос на нефть из-за кризиса и из-за электрификации транспорта, а также в связи с развитием альтернативной энергетики, привел к значительному сокращению ее добычи.

Восстанавливаться этот спрос, по мнению экспертов и Мирового энергетического агентства, будет медленно. По мнению многих экспертов, цена российской марки Urals к концу 2020 г. составит 40–45 долларов за баррель, а к концу 2022 г. – 45–50 долларов за баррель. О докризисной цене в 60–65 долларов придётся, по-видимому, надолго забыть. И вряд ли Россия сможет вернуться в обозримый срок к прежним объемам добычи и экспорта нефти. В лучшем случае удастся достигнуть через 3–5 лет 90-процентного уровня. Приведем график фактических и прогнозируемых цен на нефть (рис.5).

По природному газу дело обстоит лучше. Экспортная цена его упала вдвое (с 240–260 долларов за тысячу кубов до кризиса). И потребление газа как экологического топлива может даже вырасти, если удастся достроить Северный

поток-2, провести западный газопровод в Китай и выполнить имеющиеся планы по строительству крупнейших заводов по производству сжиженного газа, более востребованного, чем газопроводный газ, с широким спектром потребителей.

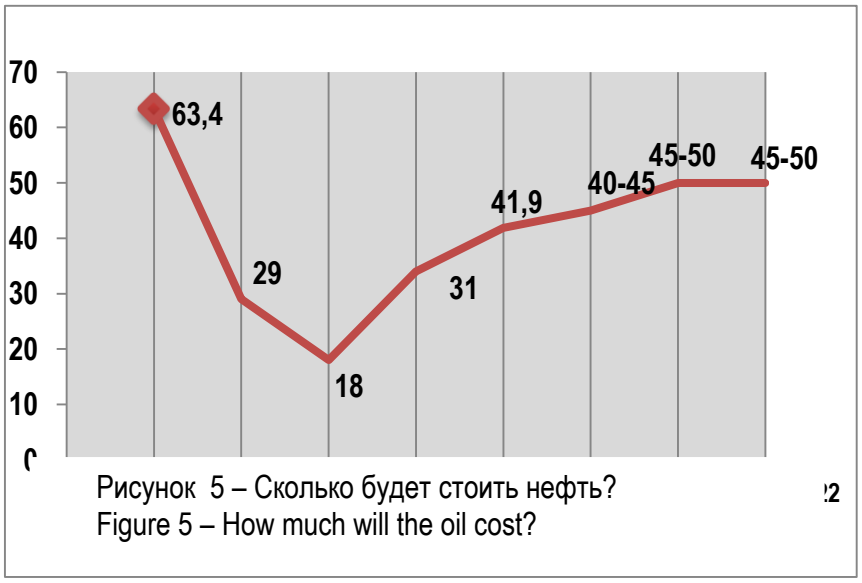

Рисунок 5 – Сколько будет стоить нефть?
Figure 5 – How much will the oil cost?

С 1 мая начало действовать новое, апрельское соглашение России с Саудовской Аравией, по которому Россия согласилась вместе с Саудовской Аравией и странами ОПЕК сократить добычу нефти на 20%. Пока это сокращение касается мая–июля, но Саудовская Аравия и ОПЕК настаивают, чтобы оно было продлено на весь 2020 г. С 2021 г. будет действовать уже заключенное соглашение о сокращении добычи нефти на 15%, а потом на 12% включительно до апреля 2022 г. по уже подписанному соглашению.

При таких ценах на нефть в Америке будет снижаться добыча сланцевой нефти. Из-за существующей низкой цены на нефть Америка и другие страны тоже сократили добычу нефти на 15–20%.

Такое снижение цен на нефть и газ и сокращение добычи и экспорта нефти приведут прежде всего к падению ВВП, где нефть и газ составляют 20%. В то же время в налоговых поступлениях страны нефть и газ России из-за наличия в нём рентного дохода составляет 30–35%, в том числе применительно к федеральному бюджету – около 45%. Из 20 трлн. рублей доходов федерального бюджета при докризисных ценах на нефть и газ 9 трлн. были доходы от добычи и использования углеводородного сырья. В 2020 г. эти доходы снизятся примерно до 5 – 5,5 трлн. руб., а в 2021 г. они могут составить только 7 – 7,5 трлн. руб.

Намного меньше влияние нефтегазового кризиса сказывается на увеличении числа безработных, снижении доходов населения и возрастающей бедности.

Экономические последствия коронавирусной пандемии и нефтегазового кризиса накладываются на негативные показатели стагнации. Стагнация – это, грубо говоря, нулевой рост. Но нулевого роста всех показателей не бывает. В стагнацию одни показатели растут, другие падают. Об этом свидетельствует приводимый рис. 6.

Как видно, ВВП на душу населения за 7 лет стагнации вырос немногим более 2%, по 0,3–0,4% за год. Но вместе с тем главный локомотив социально-экономического роста в России как индустриальной стране – объем инвестиций в основной капитал снизился почти на 6%, если считать и теневые инвестиции, представленные в системе национальных счетов в виде суммарного показателя валового накопления основного капитала.

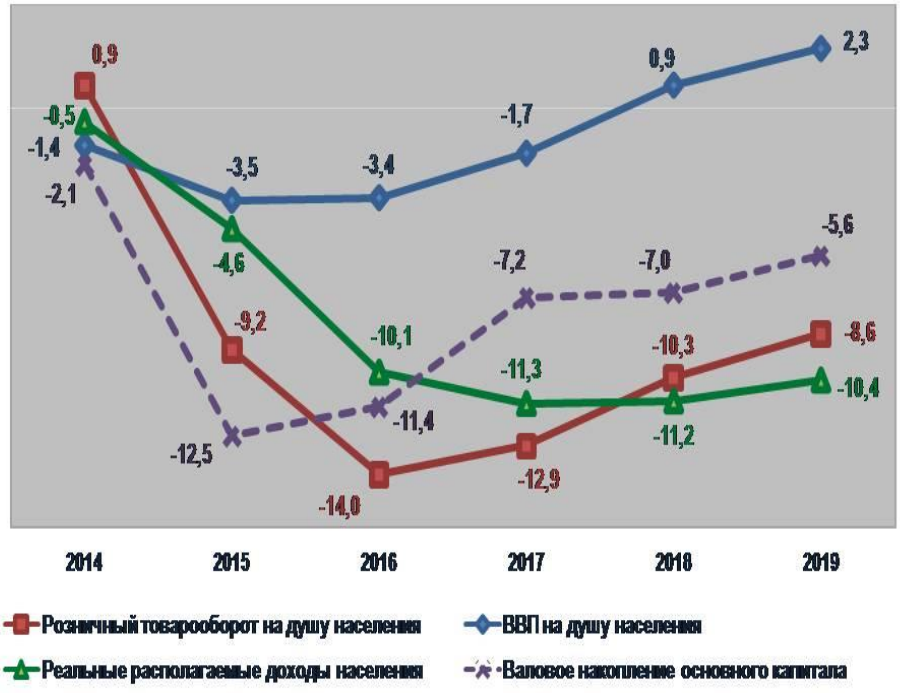

Рисунок 6 – Динамика ВВП, реальных доходов, розничного товарооборота и накоплений основного капитала (в%)

Figure 6 – Dynamics of GDP, real income, retail turnover and fixed capital formation (in%)

Другой важнейший локомотив развития – вложения в человеческий капитал и прежде всего главную его составную часть – сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) тоже в период стагнации снизились почти на 10%. Это произошло главным образом за счет сокращения доли науки, образования и здравоохранения в ВВП, из-за снижения реальных расходов расширенного консолидированного

бюджета (включая внебюджетные государственные фонды – пенсионный, здравоохранение и социальный).

Самое большое сокращение, как видно, по сравнению с 2013 г., когда эти показатели достигли максимума, произошло по социальным показателям – реальным располагаемым доходам населения почти на 10% и объёмам розничного товарооборота на душу населения. Соответственно, сократилось конечное потребление домашних хозяйств, численность населения, доходы которого ниже прожиточного минимума, при этом увеличилась на 5 млн. человек – до 20 млн. чел. Уменьшился платежеспособный спрос населения. В последние 5 лет ввод жилья, достигший максимума в 2015 г. – 85 млн. кв. метров, сокращается. Он немного приподнимался только в 2019 г., но вновь резко снижается в 2020 г. Это делает трудновыполнимым достижение в 2024 г. ввода жилья в размере 120 млн. кв. метров, предусмотренного в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г.

Так что социально-экономические последствия нового кризиса 2020 г. можно рассматривать двояко по отношению к 2019 г. и к ранее достигнутым максимальным уровням социально-экономических показателей в 2012 – 2013 гг.

Кризис 2020 г., по нашему мнению, окажется глубже кризиса 2009 г., особенно по социальным показателям. Как известно, в 2009 г. реальные доходы населения не снизились, а розничный товарооборот сократился только на 5% и за последующий год был полностью восстановлен. Численность бедных, чей доход ниже прожиточного минимума, в предшествующем кризисе также сократилась меньше. Сравнение социально-экономических показателей в период четырёх кризисов за 30-летний период новой России представлено в приводимой табл. 4.

На наш взгляд, правительство недооценивает глубину кризиса 2020 г. и поэтому принимает недостаточные, неадекватные меры по преодолению этого кризиса. Не выделяет достаточных средств на преодоление кризиса и дальнейшее развитие. Напомним, что на всю антикризисную программу 2008 – 2009 гг. были выделены финансовые средства, в основном безвозвратные, в размере 10,9% к ВВП. Применительно к объемам ВВП 2019 г., эта сумма составила бы 12 трлн. руб. Пока же правительство собирается выделить на преодоление кризиса 2020 г. около 5 трлн. руб. (4 – 5% к ВВП), то есть вдвое меньше, чем на кризис 2008–2009 гг.

Что касается использования накопленных золотовалютных резервов накануне кризиса 2009 г., то они составляли 597 млрд. долларов, а в кризис 2020 г. 575 млрд. долларов.

На восстановление экономики после предшествующего кризиса было затрачено 211 млрд. долларов, в том числе значительная часть – для поддержания валютного курса рубля. Он установился на уровне 31 рубль за доллар и поддерживался 5 лет – до середины 2014 г. На подъём экономики во второй половине 2020 г. и в 2021 г. при уточненнии правительственной программы решено в ближайшее время не использовать Фонд народного благосостояния.

Таблица 4 – Социально-экономические показатели в период кризисов в новой России

Table 4 – Socio-economic indicators in times of crisis in new Russia

Показатели	Трансформа-ционный кризис 1998 ─1999 гг. в процентах к 1990 г.	Кризис 2009 г. (2009 г. в % к 2008 г.)	Рецессия 2015–2016 гг. (в процентах к 2014 г.)	Кризис 2020 г. в процентах к 2019 г. (ожидаемый)
Валовой внутренний продукт	57	92	97	90 – 92
Инвестиции в основной капитал	21	85	88	85 – 90
Численность безработных (млн. человек)	10	8	4	8 – 10
Реальные располагаемые доходы	45	102	91	90 – 92
Конечное потребление домашних хозяйств	Нет сведений	94	87,5	90 – 92
Численность бедных с душевым доходом ниже прожиточного минимума (млн. человек)	40	15	20	25 – 30

Нужно также учесть, что в 2010 г. предприятия и организации России заняли на открытом для них в то время мировом финансовом рынке ещё 90 млрд. долларов, а в 2012 году заняли еще 80 млрд. под низкие проценты и использовали эти средства также для послекризисного восстановления экономики. Не вызывает сомнения мнение ряда экспертов, что сегодня мировой финансовый рынок для нас в основном закрыт из-за наличия финансовых санкций против России[1].

3. Предпосылки для роста в условиях кризиса

Экономика России пострадала не только от пандемии коронавируса, но также от значительного снижения нефтегазовых цен и от последствий предшествующей стагнации. Если за 100%, по нашей оценке, принять снижение социально-экономических показателей в настоящий кризис, то 50% придётся на коронавирусную пандемию, 30% – на сокращение нефтегазовой выручки и 20% – на переходящие негативные тренды от стагнации.

Самое важное. В отличие от стагнации, которая не содержит механизма перехода к социально-экономическому росту, а, напротив, вызывает негативные тренды, отмеченные выше, в кризис складываются условия «отскока» экономики

[1] Мау В.А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.

от дна и возможного перехода к развитию народного хозяйства. Поэтому мудрые китайцы обозначают кризис двумя иероглифами, первый из которых означает беду, а второй – шанс. Такой значительный послекризисный «отскок» будет в 2020-2021 гг., и это очевидно: он уже начался. Многие отрасли, и прежде всего промышленность и строительство, в подавляющем числе регионов начали работу. Сельское хозяйство её не прекращало. Восстанавливаются транспорт, торговля, открывается общественное питание, вновь стали работать многие предприятия и организации, оказывающие услуги. И естественно, что работающие люди получают доходы. Значительная часть безработных в период самоизоляции вернулась на работу, сразу возросли доходы, и из месяца в месяц это будет улучшаться.

С другой стороны, возросли цены на нефть. В июне средняя цена составила 41,9 доллар за нефть Urals против 18,2 долларов в апреле. Опять выросли и объём продукции, и налоговые поступления в бюджет.

Но этот «отскок» будет постепенным и неполным до завершения вакцинации от коронавируса и полной отмены здесь ограничительных мер. Да и нефть и по объёмам добычи, и по цене в обозримом будущем не возвратится к прежним высоким значениям. Соответственно и курс рубля, который колеблется около 70 руб. за доллар, не вернётся в ближайшие годы к докризисным значениям.

Нам выпал уникальный шанс воспользоваться послекризисным подъёмом, подхватить его за счёт дополнительного финансирования и после кризиса не вернуться к стагнации, а перейти, скажем, с 2022 – 2023 гг. сначала к 3-процентному, а затем и 4–5-процентному социально-экономическому ежегодному росту к 2024 – 2025 гг. Всё зависит от того, сколько средств мы изыщем для подъёма нашей экономики и социальной сферы и насколько эффективно и правильно их используем.

При окончательной доработке правительственной программмы по восстановлению нашей экономики в 2020 – 2021 году правительство наметило истратить 4,4 трл. рублей, что составляет (4% к годовому ВВП). Расходы федерального бюджета намечено увеличить до 23 трлн. рублей. – примерно на 3 трл. рублей.

В отличие от России, другие крупные страны, с которыми нас можно сравнивать, практически пострадали только от коронавирусной пандемии. Для них снижение цен на нефть и газ – большое благо, а не убыток, как для России, поскольку они являются потребителями нефти и газа. И до кризиса они не находились в стагнации и рецессии, как мы. На них не наложены санкции и ограничения. У них нет таких негативных трендов, как у России, – отток капитала, устаревшие машины и оборудование, сокращающиеся расходы на вложения в человеческий капитал и инвестиции в основной капитал, нет столь острого демографического кризиса, поскольку они не прошли, как Россия, десятилетний

трансформационный кризис, когда сильно менялась возрастная структура населения страны, во многом явившаяся причиной этого демографического кризиса.

И тем не менее, они пострадали от коронавирусной пандемии намного больше, чем Россия. При этом они приняли небывалые по размерам восстановительные программы с затратами от 15 до 30 процентов ВВП. Речь идёт о США, Германии, Великобритании, Франции, Италии и Испании. Не буду нас сравнивать с Китаем, Индией и Японией, где коронавирусная пандемия была более мягкой, и поэтому преодолеть кризис им легче, чем нам.

Коронавирусная пандемия в перечисленных странах была более жёсткой и по экономическим последствиям и более глубокой. В расчёте на душу населения, учитывая, что уровень экономического развития и реальных доходов в этих странах в 2–3 раза выше, чем в России, их антикризисные программы по расходам в расчете на 1000 человек населения в 5–10 раз превышают нашу правительственную антикризисную программу.

Если эта антикризисная программа не будет серьёзно скорректирована в ходе её выполнения, то Россия после кризиса опять окажется в стагнации. И наши негативные тренды, тянущие экономику вниз, усилятся. Этого допустить никак нельзя. Поэтому предлагаю осуществить всеобщую мобилизацию необходимых огромных финансовых ресурсов на преодоление кризиса, с тем чтобы «перепрыгнуть» стагнацию и добиться ускоряющегося социально-экономического роста: 3% в год в 2022– 2023 гг., 4% – в 2024– 2025 гг., 5% – в 2026– 2028 гг. и 6%– в 2029– 2030 гг. и в долгосрочной перспективе до 2035– 2040 гг.

Для этого необходимы, по нашим примерным расчетам, весьма значительные средства: 8 трлн. на кризисные месяцы 2020 г., 12 трлн. на 2021 г., который может быть назван переломным, 14 трлн. на 2022 г., 16 трлн. дополнительных средств на 2024 г. и с последующим увеличением ежегодных дополнительных средств за счёт результатов возобновляемого социально-экономического роста по 3–4 трлн. на каждый год. Эти средства позволят в 2021 г. восстановить реальные доходы, снизить бедность и значительно сократить безработицу до показателей 2019 г. Могут быть достигнуты в 2021 г. показатели 2019 г. по ВВП, промышленности, строительству, в том числе жилищному. Трудно будет в следующем году обеспечить более полную занятость, особенно в неформальном секторе, восстановить фондовый рынок. При этом самое трудное дело – восстановить и развить малый и средний бизнес, который особенно сильно пострадает в этот кризис. Так что число его субъектов снизится с 19 млн. занятых до примерно 12 млн. по некоторым оценкам.

Упор в 2021 г. нужно сделать на переход к форсированному росту инвестиций и вложений в человеческий капитал (в «экономику знаний»). Их объём в сравнении с 2020 г. должен увеличиться минимум на 15% и превзойти уровень 2019 г.

В 2022 г. реальные доходы населения, его потребление, объем розничной торговли, платежеспособный спрос могли бы превзойти уровень 2012–2013 гг. – самый высокий для новой России. А инвестиции и вложения в человеческий капитал должны заметно, скажем, на 5-10%, превзойти их максимальный уровень 2012 – 2013 гг. В этом случае со второй половины 2022 г. можно ожидать переход к социально-экономическому росту, который закрепится в размере примерно 3% в 2023 г.

Из объёма дополнительных заявленных финансовых средств на долю возрастающего консолидированного бюджета страны (с учётом внебюджетных госфондов) придётся примерно одна треть средств, то есть 3 – 3,5 триллиона в 2020 г., 4 трлн. в 2021 г., 5 трлн. в 2022 г., 6 трлн. в 2023 г. Остальные примерно две трети финансовых ресурсов, могли бы быть возвратными ресурсами, предоставляемыми в виде беспроцентных или низкопроцентных инвестиционных кредитов, прежде всего в основной капитал и частично в человеческий капитал, в первую очередь на профессиональное образование граждан.

За счёт чего могут быть изысканы дополнительные средства для увеличения бюджетных расходов?

Постепенное восстановление размера бюджета за счёт растущих налогов, таможенных пошлин, обязательного страхования не сможет обеспечить сколь-нибудь значительное превышение бюджетных расходов 2019 г., а без этого переход к социально-экономическому росту невозможен. Да и вряд ли в 2021 г. все отрасли народного хозяйства восстановятся до докризисных объёмов. Полное восстановление без дополнительных средств из других источников может быть только к концу 2022 г. Поэтому бюджет нужно пополнить дополнительными средствами.

Во-первых, потери бюджета в значительной мере могут быть восполнены за счёт Фонда народного благосостояния. Из 11 трлн. ликвидных его средств предлагаю в 2020 г. использовать 4 трлн. руб. Фонда народного благосостояния, в 2021 г. – 3 трлн.руб., и в 2022 г. – 2 трлн. руб. Другой дополнительный источник расходов консолидированного бюджета – переход к дефицитному бюджету в размере 5–6 трлн. руб. в 2020 г., 4– 5 трлн. руб. в 2021 г., 3-4 трлн. руб. в 2022 г. и на последующие годы, по крайней мере на период до возобновления ускоренного социально-экономического ежегодного роста в размере 5– 6%.

Дефицитный бюджет, в отличие от господствующей в России неправильной, на наш взгляд, точки зрения о преимуществах и приоритетности сбалансированного и даже профицитного бюджета является позитивным делом, и не только в кризисные годы. Посмотрите на успешно развивающиеся страны – они почти все имеют дефицитные бюджеты. В Европейском союзе считается нормальным в некризисные годы иметь дефицитный бюджет не выше 3% ВВП. Мы тоже можем взять за основу эту норму. При размере ВВП 110 млрд. руб. в 2019 г. в

среднесрочной перспективе это как раз предложенный нами с 2022 г. размер дефицита. Иметь бездефицитный бюджет – значит сдерживать, понижать темпы роста не только общественного производства, но и социальные расходы на благосостояние людей. Это всё равно что развивать предприятия без кредита. Оно может развиваться за счёт собственных средств, но крайне медленными темпами, отставая от других, которые берут кредиты и развиваются, особенно инвестируют прежде всего за счёт кредитов. Люди тоже увеличивают своё благосостояние, покупая в кредит квартиры, автомобили и многие потребительские товары. Что будет, если для людей установить такие же правила, как для государства. Не берите в кредит жильё, не покупайте в кредит машины, телевизоры, холодильники, мебель. Копите и покупайте только на свои деньги. Подумайте, сколько людей в России останется без жилья, автомобилей и бытовой техники.

Кроме того, ценные бумаги Казначейства, которые выпускаются для покрытия бюджетного дефицита, во всех государствах являются важными воспроизводителями «длинных» денег, о значимости которых для наших финансов недавно заявил наш Президент В.В. Путин, специально обратив внимание Центрального банка, который ничего до сих пор не делал для их увеличения, хотя взял на себя роль главного финансового регулятора и, естественно, не справился с нею. Вместе с тем государственные облигации являются важнейшим элементом устойчивости рынка ценных бумаг. В наборы ценных бумаг, на которых основывается ежегодно увеличение накопительных пенсий, страхование жизни, желание людей, имеющих свободные средства, их приумножить по линии наиболее выгодных инвестиционных вложений по сравнению с банковскими вкладами всегда должны присутствовать государственные облигации – самые устойчивые, самые надёжные и малорисковые.

Третьим источником дополнительного бюджета может быть увеличение предельно низкой в сравнении с другими странами монетизации нашей страны, выпуск дополнительных средств нашей валюты. Основание для этого – серьёзное замедление оборота денег в период пандемии, что дает возможность в 2020 – 2021 гг., в дополнение к 54 трлн. руб. объема денежных средств (агрегат М-2), дополнительно увеличить эту сумму на 5– 6 трлн. руб.

При всей важности бюджетных расходов даже они у нас вдвое меньше по объёму в сравнении с активами банковской системы России. Расширенный консолидированный бюджет – 37 трлн. руб., а сумма банковских активов в 2019 г. – 96 трлн. руб. И это при самой недоразвитой в России банковской системе – с самой низкой долей банковских активов в ВВП среди стран Европы. И это при том, что небанковские фонды «длинных» денег – пенсионный, страховой, паевой и другие – в России самые низкие среди стран мира не только развитых, но и

развивающихся. Он у нас составляет около 10% ВВП, в то время как в развитых странах он превышает весь валовый продукт, иногда в разы. Да и банковские активы в европейских странах и в Китае в 2 – 3 раза больше ВВП.

Но, к сожалению, под руководством Центрального банка наша банковская система отвернулась от задач по социально-экономическому развитию. Из 96 трлн. банковских активов инвестиционные кредиты в основной капитал, а это главный драйвер нашей экономики, направляется два процента средств – менее 2 трлн. руб. Из этих 2 трлн. руб. небольшие активы иностранных банков в нашей банковской системе выделяют больше половины средств на инвестиции своих иностранных предприятий. Ибо на Западе принято, что 75, а обычно 80% всех инвестиций – это заёмные деньги, поскольку они вкладываются в окупаемые проекты. В России негде взять долговременный заём. Для крупных авторитетных предприятий ещё можно добиться займа на 3, иногда 4 года, но всегда под неподъёмный высокий процент (неподъёмный для инвестиционных займов). Из-за этого мы неконкурентны с иностранными предприятиями, которые предоставляют эти займы под процентную ставку в 2– 3 раза меньшую.

Такая позиция банковской системы и прежде всего Центрального банка и ввергла нашу страну в стагнацию. К сожалению, Центральный банк здесь был не единственным, кто отвернулся от задач социально-экономического развития. Отвернулся от этих задач и Минфин. Он, как было показано на цифрах, резко сократил долю инвестиций во всех бюджетах – и в федеральном, и в региональных, и в муниципальных. Тем более она мизерна во внебюджетных госфондах. Даже на окупаемые проекты, скажем, производство военной техники, в огромных масштабах поставляемой в другие страны, что высоко прибыльно, выделяются безвозвратные средства. Вся национальная экономика практически по бюджетной линии финансируется тоже безвозвратно, причем значительная часть средств используется, как показывают все отчёты Счётной палаты, не по назначению, малоэффективно.

Так, зарубежное оборудование покупается втридорога, по завышенным ценам, даже на такие важные вещи, как высокотехнологическая медицина, онкология. Сотни людей за это были осуждены. А воз и ныне там. Вместо того, как во многих, в том числе развитых капстранах, высокотехнологическое медицинское оборудование, высококачественные лекарственные препараты, материалы и изделия для медицины закупаются единой, созданной государством организацией, у нас это частное дело каждой клиники, в том числе государственной. Не нравится зарубежный опыт – ну посмотрите Казахстан, где созданы соответствующие объединения по централизованной закупке, которая приносит миллиарды долларов экономии из-за того, что при централизованных крупных закупках, долговременных контрактах это обходится по меньшей мере на треть дешевле. Мне пришлось пять лет консультировать казахскую фирму,

которая централизованно заготавливала лекарства, со дня начала ее работы и убедился, насколько это выгодно не только с позиции экономии средств, но и с того, что закупаются более качественные лекарства, ими лучше обеспечиваются все клиники заблаговременно. В государстве есть накопительные склады таких лекарств, где в случае той или иной эпидемии можно сразу получить необходимые лекарства. Это крайне стимулирует отечественных производителей лекарств, с которыми на долговременной базе заключаются договоры о закупках, если они высококачественные. Ничего близкого в России нет и не намечается. Нас консультировали лучшие зарубежные фирмы, которые предоставили нам подробные презентации, как организованы подобные централизованные закупки в десятках зарубежных стран. И мы учились на этом опыте, ездили, смотрели в этих странах. А у нас это один из главных объектов спекуляции при низкокачественном обслуживании населения. Многие эффективные лекарства западных стран, относительно дешевые, нами просто не покупаются, даже против смертельно опасных болезней, какой является, например, гипертония, главный источник инфарктов и инсультов. В результате их в России в 2 – 3 раза больше на 100 тыс. жителей, чем в странах, где применяются эти эффективные лекарства. Сказанное относится и к лечению простатита, диабета и многих других болезней.

Подчеркнём, что Центральный банк после многих призывов Президента и смены правительства, видимо, в какой-то мере осознал необходимость значительного смягчения своей политики. Он начал, правда, с большим опозданием, серьёзно снижать ключевую процентную ставку, за которой слишком медленно, но всё же стали снижаться и кредитные ставки коммерческих банков. Ничего пока он не сделал для резкого увеличения инвестиционного кредита в основной капитал, а также для кредитования профессионального образования. Также ничего он не делает для увеличения доли «длинных» денег в народном хозяйстве за счёт внебанковских фондов, переданных ему в управление. До сих пор продолжается ростовщическое кредитование населения, которое нужно называть не кредитованием, а ограблением в значительной его части. Поскольку кредиты, особенно микрофинансовыми организациями, предоставляются населению под заоблачные проценты, Центральный банк разрешил кредитование под один процент в день. Не знаю, есть ли в мире хотя бы один такой прецедент.

Так что пока Центральный банк не стал банком социально-экономического развития, какими являются центральные банки других крупных стран, в том числе Китая. Доля инвестиционных кредитов в основной капитал со стороны банков, включая иностранных, составляет около 10% всех инвестиций. А подавляющая часть инвестиций в основной капитал в России предоставляется безвозвратно. Между тем, в США эта доля этих инвестиционных кредитов составляет 43%, в Германии – 52%, в развитых странах – 30–50%, а в развивающихся странах, включая Китай – 20–30%.

4. Пути перехода к технологическому прорыву

С учётом перехода к дефицитному бюджету мы могли бы увеличить долю инвестиционных кредитов в основной капитал со стороны банковской системы в 3–5 раз. И это будет главной составляющей дополнительных средств на возобновление социально-экономического роста.

Кроме того, источником инвестиционного кредита могла бы стать значительная часть золотовалютных резервов. Без Фонда народного благосостояния объём золотовалютных резервов в России составляет 420 млрд. долларов. Для устойчивости и безопасности финансовой системы страны 300 млрд. резервов являются более чем достаточными. А 120 млрд. можно использовать на инвестиционное кредитование, заимствуя из этого фонда по 15–20 млрд. долларов в год.

Инвестиционные кредиты в основной капитал необходимы прежде всего для технологического перевооружения действующего производства, где две трети базовых отраслей по своему научно-технологическому уровню катастрофически отстают от развитых стран мира, Китая и многих других развивающихся и постсоциалистических стран. Особенно речь идёт о машиностроении, энергетике, химической и лёгкой промышленности, устаревших предприятиях лесоперерабатывающего комплекса и многих других. Технологически очень устарели наш транспорт, строительство, сельское хозяйство. Да и здравоохранение обновилось лишь на одну треть, и ещё много отсталых по технологическому уровню больниц, не говоря уже о поликлиниках, фактически отсутствующей у нас реабилитационной отрасли здравоохранения и т.д. Окупаемость проектов в этой сфере действующего производства в среднем 5–7 лет. И они нуждаются в массовых инвестиционных кредитах на 5 –10-летний период по ставке не выше 4– 5% годовых.

Надо поставить задачу за 15 лет технологически обновить все базовые отрасли нашей промышленности, подняв их научно-технологический уровень до развитых стран мира. Также за 15 лет надо увеличить объёмы высокотехнологических отраслей производства в 3–4 раза, опять-таки до уровня развитых стран. Здесь окупаемость в среднем 10–12 лет. И инвестиционные кредиты могли бы предоставляться под 3– 4% годовых.

Наконец, нам нужно переходить к массовому строительству двусторонних автомагистралей и скоростных железных дорог, как это 20 лет назад осуществлено во Франции и ускоренными темпами осуществляется в Китае. Предстоит построить сотни аэропортов, тысячи взлетно-посадочных полос на обширной территории нашей страны, восстановив для начала то, что было 30–50 лет назад построено для авиационного сообщения с помощью малой авиации и среднемагистральной авиации регионального значения. Нам нужно значительно расширить и строительство портов, прежде всего морских, не забывая, конечно, и о речном транспорте по нашим крупнейшим рекам.

Вложение в новую транспортно-логистическую инфраструктуру окупается за 20–25 лет. И по примеру Китая и многих других стран здесь тоже весьма эффективны долговременные низкопроцентные инвестиционные кредиты, предоставляемые по самой низкой процентной ставке 2–3%. В разы должно быть увеличено инвестиционное кредитование в строительство, сельское хозяйство, прежде всего для создания промысловой кооперации на базе объединения вновь создаваемых фермерских хозяйств. В разы после отмены софинансирования населения при жилищном строительстве должны быть увеличены инвестиционные кредиты для строительства также по сниженным процентным ставкам.

Беспроцентные кредиты или кредиты с минимальным процентом необходимо в сотнях миллиардов рублей предоставлять сотням тысяч граждан, ежегодно стремящихся получить профессиональное образование, начиная с квалифицированных рабочих для обслуживания новой техники, программистов и IT-специалистов и кончая магистрами, аспирантами, докторантами и т.д. Эти кредиты гражданам должны предоставляться на 15–20 лет, как это принято в других странах, и составлять на каждого сотни тысяч рублей. Получив профессиональное образование, человек получает и более высокий заработок, из которого он сможет в течение достаточного времени возмещать этот кредит. Тем самым будет устранено нарастающее социальное неравенство в получении высококачественного образования между бедными и богатыми.

Ключевая процентная ставка Центрального банка, на наш взгляд, должна и дальше снижаться до 4% в этом году и до 3% в следующем году при мерах, принимаемых для этого Центральным банком совместно с правительством. Ибо во многом от правительства зависит размер инфляции, который является важным фактором, определяющим уровень процентной ставки. Инфляцию постепенно, года за три, надо снизить до уровня развитых и передовых развивающихся стран, т.е. примерно до 2%, в том числе за счёт установления налоговых льгот для тех, кто предоставляет качественные товары и услуги по относительно низким ценам при увеличении налога на организации и предприятия, выпускающие товары и услуги, недоступные среднему классу. В этой части более широко могли бы применяться и акцизы. Например, строительные организации, строящие жильё, которое продаётся по 30–40 тыс. руб. за кв. метр, могли бы иметь сниженные ставки налога. А те, кто продаёт жильё за 100–200 тыс. руб. за кв. метр, платили бы двойной-тройной налог. Сказанное относится к гостиницам, имеющим 4–5 звезд, с одной стороны, и трёхзвёздочным отелям. То же самое может быть применимо к торговым сетям, бутикам, торговле мебелью, разными услугами. Рублём надо наказывать необоснованное, приводящее к чрезмерной прибыльности повышение цен, особенно крупных монополизированных структур.

С помощью взаимовыгодных облигационных займов для населения, которое

нуждается в улучшении жилищных условий, можно было бы финансировать ввод жилья, предоставляя его по сниженному проценту ипотеки и скидкой с цены готовой квартиры на 20–30%. Ведь люди должны 2– 3 года минимум копить облигационные займы для того, чтобы они достигли размера, когда им предоставляются такие льготы. Так что строители будут за один, два, три года до ввода жилья получать низкопроцентный кредит за счёт этих облигационных займов. А у населения расширятся возможности намного большей покупки жилья. То же самое можно сделать по отношению к приобретению легковых автомобилей. А ведь ускоренное развитие этих двух отраслей, развитие которых тянет за собой необходимый рост многих производств и сфер деятельности, является важным локомотивом социально-экономического развития. Россия вкладывает вдвое меньше инвестиций в жилищное строительство в сравнении со многими другими странами, в том числе развитыми, где жилищная обеспеченность в 2–3 раза выше, чем в России (с учётом качества жилья).

Чтобы выполнить задание по жилищному строительству, провозглашенное в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г., нам нужно удвоить инвестиции в жильё. Как показывают расчёты, последствия этой меры приведут к тому, что увеличение ввода жилья на 20% будет определять, как в других странах, прирост валового внутреннего продукта.

Если всех указанных источников социально-экономического развития окажется недостаточно, нам нужно будет ежегодно наращивать государственный долг, который у нас один из самых низких в мире. Наше государство по внешним и внутренним займам на сегодня имеет долг 13% ВВП. Безопасным считается 60-процентный уровень. Внешний долг при этом у нас составляет около 4% ВВП в сравнении 85-процентным долгом в странах ЕС и 110-процентным в США. А совместный внутренний и внешний долг наиболее высок в Японии – 250% ВВП и в Китае – 257% ВВП. Хотя Япония имеет золотовалютные резервы в размере 1 трлн. долларов, а Китай более 3 трлн. долларов. Наша страна до 2030 г. могла бы ежегодно занимать по 20–30 млрд. долларов у международных финансовых организаций, у разных стран, в том числе за счёт их золотовалютных резервов, у крупных инвестиционных организаций и банков. Как известно, Россия обладает высоким международным имиджем в части выполнения своих долговых обязанностей, поскольку в последние 20 лет она все долги возвращает в срок или даже с выплатой премий за досрочное возвращение долга.

Заметим, что общий внешнеэкономический долг в России, включая корпоративный долг всех предприятий и организаций, сократился после введения санкций с 730 млрд. долларов на 1 января 2014 г. до менее чем 500 млрд. долларов в настоящее время. Это составляет около 30% от объема ВВП России. Подавляющая часть этого долга негосударственная. Хотя в экстремальных условиях, которые ещё могут быть, государство обычно помогает своими деньгами

возместить долги Газпрому, Роснефти, Аэрофлоту и другим госорганизациям, при этом возмещая этот долг частично не столько за счет безвозвратных, сколько за счёт низкопроцентных инвестиционных кредитов.

Привлекаемые средства госдолга могут передаваться государственным и другим коммерческим банкам для возвратного инвестиционного кредита. Часть низкопроцентных кредитов может оказаться невыгодной коммерческим банкам даже при сниженной ключевой ставке из-за оценки рисков. В этом случае государство может либо возмещать банкам недостающий процент по ставке кредитования, либо гарантируя возврат этих кредитов. Низкопроцентные кредиты, которые в основном будут предоставляться частным компаниям, заинтересуют их в увеличении инвестиций. Ведь частные компании, на долю которых приходится производство менее 30% ВВП, обеспечивают 60% всех инвестиций за счёт своих средств. Например, в 2019 году из 16 трлн. руб. финансового результата (прибыль минус убыток) предприятия и организации вложили в инвестиции около 5 млрд. руб. Кроме того, ещё более 5 млрд. руб. частные предприятия вложили инвестиций за счёт своего амортизационного фонда. Чтобы стимулировать и предприятия больше и эффективнее инвестировать, предлагается освободить ту часть прибыли, из которой берутся инвестиции, от налога на прибыль. Тогда предприятие будет заинтересовано показать более полно размер своей прибыли, не утаивая её в издержках, с одной стороны, и выделить большую долю прибыли на инвестиции – с другой. Мы оцениваем здесь прибавку инвестиций минимум в 1 трлн. руб. для всего народного хозяйства. Ещё 1 трлн. руб. может быть выделен за счёт сокращения сроков амортизации в 1,5-2 раза, как это сделал Р. Рейган. Тогда амортизационный фонд возрастёт, и это послужит источником дополнительных инвестиций.

Основные источники дополнительных средств и по линии бюджета, и по линии инвестиционного кредитования наглядно представлены в табл. 5.

Частные инвестиции должны стать важнейшей составной частью национальных проектов, которые пока на три четверти финансируются безвозвратно за счет бюджетных денег, что неправильно. В этом случае государство могло бы гарантировать возврат банкам этих кредитов, что позволит предприятиям дополнительно снизить ставку банковского кредита[1].

На наш взгляд, почти всё технологическое перевооружение и ввод новых мощностей высокотехнологических производств должны осуществляться на окупаемой базе за счёт инвестиционного кредита. Ведь этот кредит не может быть предоставлен просто так. Чтобы его предоставить, нужен детальный расчёт его возврата.

При подготовке проекта технологического перевооружения или создании новых мощностей крайне важна для предприятий и организаций помощь крупного коммерческого банка, который выдает под это кредит.

[1] Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. – М.: Дело, 2018. – 400 с.

Таблица 5 – Источники инвестиций в основной капитал и вложений в экономику знаний

Table 5 – Sources of investment in fixed assets and investments in the knowledge economy

Показатели	Объемы заимствования в виде инвестиционного кредита		Примечание
	В основной капитал	В экономику знаний	
Активы банков В 2018 – 2020 гг.	1,5 – 2,0 трлн. руб.	1,5 – 2,5 трлн. руб.	В 2018 г. активы банков превысили ВВП и составили 91 трлн. руб.
В 2020 – 2025 гг.	2,5 – 3,0 трлн. руб.	3,0 – 3,5 трлн. руб.	
Международные золотовалютные резервы – взаимообразно при окупаемости 5-10 лет	15–20 млрд. долл. в год	из них до 5 млрд. долл. в год	Объем этих резервов около 480 млрд. долл., из которых будет заимствовано 180 млрд. долл. и средства начнут возвращаться.
Доходы от приватизации		до 1 трлн. руб.	
Облигационные займы населения для строительства жилья и приобретения автомобиля	1,5–2 трлн. руб.		Население сберегает до 40 трлн. руб. в России и до 700 млрд. долл. – за рубежом.
Прибыль в амортизационный фонд предприятий	1,5– 2 трлн. руб.	в т.ч. 0,5 трл. руб.	При освобождении от налогов части прибыли, направленной на инвестиции, и перехода на ускоренную амортизацию.
Займы государства за рубежом	По 20–30 млрд. долл.	в т.ч. 3–5 млрд. руб.	Внешний долг государства РФ – 3% ВВП, а с внутренним – менее 15%. Его можно довести до 30-40%.

Коммерческий банк, естественно, будет проводить детальную экспертизу бизнес-плана, под который он даёт деньги и отвечает за это головой, он будет участвовать в обсуждении цен на покупаемое оборудование с фирмами, соответствующими компаниями, в том числе иностранными, и прямо перечислять им деньги после поставки оборудования и обучения работников предприятия. Он также как третья сторона будет вести переговоры со строителями зданий и сооружений предприятий,

опять-таки переводя деньги прямо им. Он также будет мониторить выполнение бизнес-плана предприятий. И всё это резко повысит эффективность этих инвестиций в сравнении с безвозвратными инвестициями, где проверка во многом носит бюрократический характер.

Кредитование предприятий и организаций по технологическому перевооружению и вводу в действие новых мощностей, а также на формирование новой транспортной структуры, жилищного строительства и профессионального образования целесообразно предоставлять без залога в виде проектного финансирования.

Уже сегодня часть инвестиционных кредитов может осуществляться при указанных выше условиях за счет внебанковских фондов «длинных» денег – пенсионного, страхового и паевого. С помощью государственных усилий следовало бы значительно увеличивать размеры этих фондов, удвоив их к 2025 г. и увеличив в 5–6 раз к 2030 г. Для этого в первую очередь нужно перейти на накопительные пенсии. Это можно сделать при новой пенсионной реформе в 2025 г. с одновременным повышением среднего размера пенсий и привлечением в пенсионные фонды средств населения. Нужно реформировать и страхование жизни населения, предоставив здесь разные льготы и преференции, заинтересовав людей, которые должны при страховании жизни получить более высокие доходы в виде возврата средств, если они прожили без серьезных болезней этот период в сравнении с банковскими счетами.

Надо также сделать безналоговыми суммы, которые вкладываются в паевые фонды, преобразовать эти фонды по западному образцу, заинтересовать граждан в этих вложениях. Все средства, которые идут на социально-экономический рост, не должны облагаться налогами, а, напротив, должны иметь льготы и привилегии. Чтобы ещё сильнее заинтересовать предприятия в техническом перевооружении и создании новых высокотехнологических мощностей, нужно на период этого перевооружения предоставлять налоговую паузу, таможенные льготы, если они необходимы для решения этих задач, административные привилегии и т.д.

Самое главное в стремлении перейти к форсированным инвестициям в основной капитал и человеческий капитал («экономика знаний») по 10–15% ежегодного роста – это сильно заинтересовать частный бизнес в этом деле. Частный бизнес при своих усилиях должен стать более прибыльным, тогда он будет заинтересован вкладывать деньги. И он должен иметь безусловную безопасность. Все силовые ведомства должны быть поставлены на службу частному бизнесу, как это принято во всех рыночных странах. Россия, пожалуй, единственная страна, не использующая слово «private». Вы не пройдёте и 100 метров в любой стране, когда, повернувшись налево или направо, не увидите слово «private» на всех стоянках, автомобилях и т.д. И если, не дай Бог, ты запаркуешь машину на частное место другого гражданина, то тебе придется отчитываться не перед этим человеком, а

перед пришедшим полицейским, перед государством на каком основании ты нарушил закон частной собственности, которая является неприкосновенной и священной. Подобный закон о частной собственности должен быть подготовлен и проведен в России не позже 2022–2023 гг. По нему любой ущерб частному бизнесу со стороны любой госструктуры, любой частной монополии, любого иностранного государства должен быть возмещен во внесудебной или судебной процедуре.

На каком основании мы посчитали приведённые выше данные о том, что переход к 10-15-процентному ежегодному форсированному росту инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал («экономику знаний») приведет к 3–6-процентному социально-экономическому росту? Связь здесь вполне закономерная. Эмпирически подтверждено: темп социально-экономического роста стран мира зависит напрямую от доли инвестиций в основной капитал и доли вложений в «экономику знаний» (человеческий капитал) в ВВП, что представлено в табл. 6.

Таблица 6 – Зависимость темпов социально-экономического роста от доли в ВВП инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал – сферу "экономика знаний" (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение)

Table 6 – Dependence of the rates of socio-economic growth on the share in GDP of investments in fixed assets and investments in human capital - the sphere of “knowledge economy”

Страны	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП (в процентах)	Доля вложений в «экономику знаний» в ВВП (в процентах)	Ежегодный прирост ВВП (в среднем в процентах)
Развитые страны	21	35*	1,5 – 2,5
Развивающиеся страны	30 – 35	15 – 20	4 – 6
Китай	40 – 45	22	6 – 7
Россия			
2019	17	14	1 – 1,5
2022– 2023	22	20	3
2024– 2025	25	25 – 28	4 – 5
2030– 2035	30 – 35	35 – 40	5 – 6

Из таблицы 6 видно, что развивающиеся страны, являющиеся индустриальными, как и Россия, имеют высокий социально-экономический рост (4–6%) за счёт главного своего драйвера – доли инвестиций в основной капитал. Что касается развитых стран, то на 60–70% их рост определяется вложениями в человеческий капитал, ибо доля «экономики знаний» в Европе в 2 раза, а в США в 3 раза выше, чем в России. Они вступили в период, как известно, постиндустриального развития. Имеют низкую и

снижающуюся норму инвестиций в основной капитал и преимущественно растут за счет вложения в человеческий капитал, в самые интеллектуальные услуги. Россия сегодня имеет крайне низкую долю инвестиций в основной капитал и ещё более низкую в сравнении с другими странами долю вложений в «экономику знаний». Поэтому так жизненно важен для нас форсированный 10–15-процентный темп этих показателей. Только таким образом мы поднимем эти доли до тех значений, которые приведут нас к ускорению социально-экономического роста.

Ниже представлены цифры необходимых вложений. Грубо, в 2022–2023 гг. доля инвестиций у нас может подняться до 23%, а вложения в человеческий капитал – до 20%. И это обеспечит нам 3-процентный рост. К 2025 г. мы увеличим эти доли до 25%. И это, естественно, поднимет устойчивый рост до 4, а, возможно, и 5 процентов. Наконец, если этот тренд продлится до 2030 г., то эти доли превысят уже 30%, и наши темпы могут подняться до 5–6%. К 2030 г. мы достигнем уровня развитых стран по основным экономическим и социальным показателям. Ориентирами для нас могут служить показатели Испании и Италии. Но нам все равно нужен будет и после этого повышенный экономический рост, чтобы вступить на этап постиндустриального развития и к 2035–2040 гг. достигнуть уровня Германии. К этому времени приоритетным источником развития станут вложения в человеческий капитал. В табл. 7 представлено сравнение показателей России с Китаем, Западной Европой и США.

Таблица 7 – Сравнение показателей сферы «экономики знаний» в России и развитых странах

Table 7 – Comparison of indicators of the "knowledge economy" sphere in Russia and developed countries

	Россия	Китай	Страны Западной Европы	США
Доля отдельных отраслей и сфер «экономики знаний» в валовом внутреннем продукте (в%)				
НИОКР	1,2	2,1	2,5	2,74
Образование	4	4	8	5,7
Здравоохранение и биотехнологии	5	6	10	19
Информационно-коммуникационные технологии	4	10	10	11
Удельный вес «экономики занний» в целом валовом внутреннем продукте (в%)	14	22	30	40

России нужно увеличить долю НИОКР в ВВП до 2,2% к 2025 г. и 3,5% к 2030 г. В СССР эта доля была 3%. Долю образования с 4% нам нужно увеличить до 7% к 2025 г. и 10% к 2030 г. А долю здравоохранения с 5% до 8% к 2025 г. и 11% к 2030 г. В соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина, доля информационно-коммуникационных технологий в ВВП должна увеличиться к 2024 г. втрое, т.е. достигнуть 11 – 12%, а к 2030 г., как и во всем мире, она могла бы возрасти до 15%.

Таким образом, удельный вес в ВВП сферы «экономики знаний» в России увеличится к 2025 г. до 28%, а к 2030 г. до 40%.

Как видно, вложения в человеческий капитал, которые станут главным источником нашего будущего социально-экономического развития, должны увеличиваться быстрее, чем инвестиции в основной капитал.

Социально-экономический рост в решающей мере зависит от увеличения доходов и потребления населения. Его главным стимулом является увеличение платежеспособного спроса. Ведь расходы населения и отрасли, обслуживающей население, составляют в ВВП России, включая покупку жилья, 60%. Особенно важно увеличение доходов для преодоления экономических последствий стагнации и кризиса 2020 г., когда они упали особенно сильно. Для их подъема нужны глобальные меры.

Предлагаю осенью 2020 г. увеличить пособие по безработице до 12–30 тыс. руб. в месяц в размере до 60% от уровня зарплаты вместо существующих 4,5–12,1 тыс. руб. Это потребует 3 трлн. руб. дополнительных средств.

Также осенью этого года следовало бы поднять минимум зарплаты с 12,1 тыс. руб. (размер прожиточного минимума) до 20 тыс. руб. На 60% это может быть оплачено самим бизнесом, на счетах которого 30 трлн. руб., не считая средств в оффшорах и иностранных банках, а оставшиеся 40% придётся заплатить государству для малого и среднего бизнеса, бюджетных организаций, убыточных предприятий. На это потребуется около 2 трлн. руб. Минимум зарплаты до 30 тыс. руб. мог бы быть поднят в 2024 г. Это намного сократит численность малообеспеченных, поскольку 65% малообеспеченных – работающие люди.

В 2021 г. следовало бы повысить средний размер пенсий до 20 тыс. руб. (это предусмотрено сделать, по наметкам правительства, в 2024 г.) и предоставить возможность гражданам выходить на пенсию досрочно в 55–60 лет, как раньше, с предоставлением им не повышенной, а существующей на сегодня пенсии. Это потребует 3 трлн руб. в расчете на год.

В 2022 г. предлагается ввести прогрессивную шкалу налогообложения на дополнительную повышенную зарплату, не беря налог с размера дохода до 30 тыс. руб. в месяц, и увеличив налог со 100 тыс. руб. – до 20%, со 150 тыс. руб. – до 25%, с 200 тыс. руб. до 30% и с 300 тыс. руб. в месяц – до 35%. При этом освобождаются от налога расходы на собственные пенсии, на страхование жизни, на здравоохранение, на образование, на возврат инвестиционного кредита, также на вложение средств в банки, в паевые фонды, в бизнес.

Для облегчения участи десятков миллионов работающих и пенсионеров, которые влезли в существенные долги перед банками, предлагается отсрочку от таких долгов предоставлять до трех лет и пересчитать эти долги под 8-процентную ставку. Впредь предлагается запретить предоставлять долги гражданам и кредитные средства предприятиям и организациям по ставкам выше 8%, то есть выше двойной ключевой ставки. Эти мероприятия могут быть осуществлены за счёт

средств банков, рентабельность которых по капиталу превысила в среднем 16%[1].

С учётом намеченных перспектив международный рейтинг России среди 150 стран мира будет повышаться. Прогноз такого повышения представлен в нашей заключительной табл. 8.

Таблица 8 – Международный рейтинг России среди 150 ведущих государств мира по социально-экономическим показателям (место среди стран)

Table 8 – The international rating of Russia among 150 leading countries of the world in terms of socio-economic indicators (place among countries)

Показатели	2018 г.	2025 г.	2030 г.
ВВП – объем: по ППС	6	5	4
по рыночному валютному курсу	14	10	4
ВВП на душу населения (уровень экономического развития)			
по ППС	45	35	15
по рыночному валютному курсу	80	45	20
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	120	30	10
Доля «экономики знаний» в ВВП	110	40	15
Индекс социального развития	70	45	25
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	90	50	25
Реальные доходы на душу населения по ППС	55	40	20
по рыночному валютному курсу	90	50	25
Обеспечение комфортным жильем	80	50	25
Образование	30	20	10
Здравоохранение	120	60	25
Уровень жизни пенсионеров	80	50	25

Для социально-экономического развития в среднесрочной перспективе важнейшую роль могут сыграть национальные проекты. Они должны быть модернизированы и доработаны с учетом новых задач и с привлечением частных инвестиций, с одной стороны. С другой стороны, они должны быть дополнены национальным проектом по сокращению вдвое бедности населения и национальными проектами по технологическому перевооружению и развитию высокотехнологических отраслей. Причем, последние проекты должны иметь крупную финансовую поддержку, стимулы, льготы и привилегии со стороны государства, о которых говорилось выше. Эти национальные проекты являются целевыми, и прообразами народнохозяйственного плана. Но они разрознены. Чтобы придать им системный характер необходимо включить их в народнохозяйственный

[1] Более подробно о мерах по повышению жизненного уровня населения России см.: Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. – М.: Дело, 2018. – 512 с.

план, к которому предлагается перейти с 2021 г., разработав ударную пятилетку с задачей возобновления социально-экономического роста на 2021–2025 гг. Целевые ориентиры для этого плана – Указ Президента от 7 мая 2018 г.

Россия – великая международная держава. Но по экономическому и социальному уровню развития пока она занимает 50–60-е места среди 150 ведущих стран мира. Наша страна – страна огромных возможностей, высокообразованного населения, больших научно-технических заделов. Нам нужно превратиться в великую державу и в социально-экономическом плане.

Библиография/References:

1. Аганбегян А.Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков. – М.: Дело, 2019. – 191 с.
2. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. – М.: Дело, 2018. – 512 с.
3. Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России.– М.:Дело,2018.–400 с.
4. Как меняется число новых случаев заражения COVID–19 в России // Федеральные и региональные оперативные штабы по борьбе с короновирусом. – URL:https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5e2fe9459a79479d102bada6 (дата обращения: 02.07.2020)
5. Мау В.А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 488 с.

1. Aganbegian, A.G. (2019) Demografiia i zdravookhranenie Rossii na rubezhe vekov [Demography and healthcare of Russia at the turn of the century].–M.:Delo.–191 p. (In Russ.)
2. Aganbegian, A.G. (2018) O prioritetakh sotsial'noi politiki [On the priorities of social policy]. – M.: Delo. – 512 p. (In Russ.)
3. Aganbegian, A.G. (2018) Finansy, biudzhet i banki v novoi Rossii [Finance, budget and banks in the new Russia]. – M.: Delo. – 400 p. (In Russ.)
4. Kak meniaetsia chislo novykh sluchaev zarazheniia COVID–19 v Rossii [How the number of new cases of Covid infection is changing - 19 in Russia] // Federal'nye i regional'nye operativnye shtaby po bor'be s koronovirusom. – URL: https://www.rbc.ru/society/03/07/2020/5e2fe9459a79479d102bada6 (data obrashcheniia: 02.07.2020) (In Russ.)
5. Mau, V.A. (2016) Krizisy i uroki. Ekonomika Rossii v epokhu turbulentnosti [Crises and lessons. Russian economy in an era of turbulence]. – M.: Izd-vo Instituta Gaidara. – 488 p. (In Russ.)